

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

2. РИСК? НЕТ – ТЕХНИКА!

3. КЫРКТАУССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Минут тридцать заливаешься вверху дятел скального молотка. На стене Коля Бердюгин, тонкая ниточка веревки одинокой паутинкой прочерчивает желтые скалы. Долго, но песчаники – не известняки, будем надеяться, что в пещере пойдет лучше.

Вот Коля забил крюк, теперь раздумывает, как прикрепить к нему веревку.

– Шеф! – раздается сверху его голос. – Я что-то забыл, как эта штука называется?

– Корем! Ко-рем!

Провис веревки у промежуточного крюка мы называли по-болгарски. "Корем" в переводе звучит, как "живот", "пузо", по-нашему – провис веревки у промежуточного крюка.

Сию на соседней скале и наблюдаю за его действиями, наслаждаясь теплом весеннего солнышка и радостным ощущением, что мы – пробуем SRT. Кончились кабинетные бдения!

Наверху этого 40-метрового отвеса Коля сделал все правильно: закрепил конец веревки за дублирующий крюк, вывел на край отвеса, закрепил на основном крюке. Между крючьями оставил ровно столько веревки, чтобы и натянута была в меру – не болталась, и усилие, если начнешь спускаться, приходилось только на основной крюк. Основной крюк держит рабочие нагрузки, дублирующий – охраняет нашу жизнь на случай поломки основного. А чтобы рывок еще более снизить, между основным и дублирующим закреплениями завязан хитрый узел – амортизирующий. "Бабочка" называется, или "пчелка", насекомое, короче. Такой амортизирующий узел, затягиваясь и проскальзывая при рывке, может значительно ослабить динамический удар.

И вот – спуск. Подкладку на основной крюк, чтобы узел не терся о скалу, и потихоньку вниз. Вербка идет в спусковое устройство прямо из мешка, висящего у Коли на трансрепе чуть ниже его каблуков. Удобно! Не спутается, и камнями, что всегда летят из-под ног прокладывающего трассу, не повредишь.

Спускается Никола классически: чуть согнутые в коленях ноги перпендикулярны стене, и веревка над ним – стрункой вдоль скалы. Все нормально, не касается.

– Эва-а! Ты на коленки припадай!

– Зачем?

– Подниматься-то ближе к скале будем – вдруг веревка ляжет?

Точно! Припал лидер навески к стене, и веревка коварно легла на скальное ребро метрах в двух выше.

– Видишь?

– Вижу. Вроде, гладкое ребро... Может, так пройдем?

Ну, нет. С этого все и начинается. Приустали, пока колотили верхние крючья, а тут еще промежуточный крюк туго пошел в скалу. Усталость или плохое настроение, стремление поскорее добежать или другие подобные мотивы – это все из прошлого.

Перефразируя Визбора, можно сказать: "Если ты идешь в пещеру, как на подвиг, значит, ты к пещере не готов".

Дашь себе поблажку раз – дашь и второй. А веревка всего одна...

И впереди Киевская.

Ки-ев-ска-я!

После того, как мы с Молоковым на золотых приисках Курчума стоваривались идти на Кырк-Тау, прошло 8 лет. Тогда, в памятную осень 78-го, я, помнится, написал одному из своих уфимских друзей, уже побывавшему в пропасти, попросил информацию.

Ответ меня поразил! Мой друг писал мне в том прекрасном стиле, что украшал наши отношения в своем кругу, и смысл ответа сводился к следующему:

"Лучше иметь живых врагов, чем мертвых друзей!"

Посему он мне ничего не скажет о местоположении пещеры. А то я еще, и правда, вздумая идти в эту ужасную пропасть!

Хорошенькое дело! А ведь КилСИ, Киевская, считается теперь чуть ли не самым легким из евроазиатских тысячников.

Многое изменилось в нашем восприятии за эти восемь лет. Но тысячник, каким бы он ни был – не место для увеселительных прогулок.

Именно по этим двум соображениям мы и выбрали Киевскую в качестве оселка, на котором предстояло отточить нашу новую технику: с одной стороны – самый приятный из сложнейших, с другой – в случае удачи, никто не смог бы сказать, что пещера слишком мала, чтобы делать выводы.

Готовились серьезно. Не гоже было сломать шею на первой же пробе.

* * *

Усть-Каменогорску повезло в отношении скал. Полчаса на городском автобусе – и ты на скалодроме.

Меняемся. Коля спускается, а я поднимаюсь на его место новым для нас способом "Дэд".

– Уй-я!

Этого следовало ожидать. Самое уязвимое место при подъеме – колени. Мало сказать, что меня всегда влекло попробовать что-нибудь новенькое в технике. Помню, как в 84 году в известной всему казахстанскому кейвингу пещере Агалатас под Бишкеком посетила меня блажь испробовать способ подъема "лягушка". Тот самый, что очень рекламировался еще в 76 году одной илжухинской методичкой по спелеотуризму (*159).

И дернул же меня черт начать испытания нового для меня способа в узком щелевидном отвесе на самом дне пещеры – с диким скрежетом вонзились мои коленки в немягкие стены Третьего колодца Агалатаса.

Если сказать, что мне было паршиво, значит, здорово приукрасить. На мой визг со всей пещеры немедленно сбежались репортеры. После кто-то божился, что "весь процесс моего подъема из этого колодца слышал собственными ушами"!

В коротком интервью после выхода из пещеры я гневно заклеил всех лягушек на свете и удалился, гордо хромя сразу на обе ноги.

Мы уже говорили, что способ подъема "Дэд" во многих зарубежных публикациях носит название "Фрог", что можно перевести именно как "Лягушка". Если это и так, то все-таки это не та "лягушка", что оставила мне незабываемые воспоминания об Агалатасе.

Нынче нас на мякине не проведешь. Наши с Колей колени надежно защищены пластиковыми наколенниками от скейтбординга – прекрасная, надо признаться, штука для пещеры!

* * *

Рядом на стене работает вторая наша двойка – Валера Королихин из шахтерского поселка Белоусовка и лениногорец Володя Кочетов. Вместе со мной и Колей Бердюгиным – это штурмовая четверка грядущей экспедиции на Кырк-Тау.

Грядущей? Ох, и летит время! Вроде, только еще обвешивали одинарной веревкой усть-каменогорские скалы, и вот...

Сквозь дымку зноя путь лежит,

Тропа змеей скользит к отрогам,
Тропа бежит, как наша жизнь,
Что нами брошена в дорогу.
Бери рюкзак, пора и нам –
Нас ждет нелегкая игра,
И улыбается горам
Наш добрый друг Камангаран! (*160)

Кто сказал: "Азия была так себе – средняя..."?
Он был явно не прав.

Ах, Ташкент! Ах, Самарканд! Липкий от жары асфальт, жаркий воздух,
роскошный азиатский базар. Поезда, мешки, темные от загара и пыли лица. И пески
Азии, что неожиданно выступают по сторонам дороги, будто из самой сути желто-
зеленой гаммы окружающих пейзажей.

Мы не одни на пути к Зеравшану – в те же сроки проводит экспедицию
узбекская экспедиция Володи Долгого из Ташкента. И это прекрасно – потому что
помимо встречи с друзьями, в нашем распоряжении ГАЗ-66 Самаркандского совета по
туризму, который где-то впереди ввинчивается сейчас в желтую трещину
раскаленного ущелья, увозя нашу увесистую поклажу.

Горы вокруг, и мы среди гор. Хорошо идти вот так, налегке, слушая, как
шумит в бетонном лотке акведука вода ручья Камангаран. Радуются встрече с
солнышком карстовые воды Кырк-Тау. В этом выжженном солнцем мире начинаешь
серьезно относиться к древнейшей мудрости, гласящей, что: "Вода – это жизнь".
Там, куда мы идем, в глубине пещеры, часто все наоборот: вода – это угроза
переохлаждения, смерть.

Пока идешь налегке, как-то не верится, что через пару-тройку часов начнется
серьезная работа, имя которой – Ее Пыхтейшество Заброска.

В фонограмме к одному из послеэкспедиционных слайдфильмов мой сын, в
возрасте шести лет побывавший на Кавказе, глубокомысленно изрекает:

"Заброска – это когда все ходят с рюкзаками туда-сюда, туда-сюда и страшно
завидуют вертолетам!"

Вот и поляна с одинокой арчей у ручья. Куча наших мешков говорит о том, что
дальше колесная техника бессильна. Дальше – тропа. Нам предстоит перетащить
сотни килограммов снаряжения и продуктов на полторы тысячи метров вверх по
сумасшедшему серпантину.

Не-ет! Днем это невозможно. В Азии заброску начинают на закате.

Так много мыслей на тропе,
Под каждый шаг, под вдох и выдох.
Как рассказать о них тебе?
...Скрипит станок, выдавший виды.
Кырк-Тау – жаркий горный рай.
Нас ждет прекрасная игра!
Укрыла тень ущелья шрам,
И канул в ночь Камангаран.

Рюкзак – пара прикрученных к станине из стальных трубок транспортных мешков
с довеском в виде гитары, поскрипывает в ритме ходьбы. В голову лезет
надоедливая ритмичная песенка.

Перевирая мотив и слова, бормочу что-то вроде:

"Пускай твердят, что в технике кишки тонки, зато мы тренированы таскать
мешки!".

Тропа поднимает меня вверх по остывающему после дневного зноя ущелью.
Жарко, черт! Хотя и солнце садится.

Постепенно способность абстрактно мыслить куда-то улечучивается. Тропа бесконечна, сердце, как мотор, легкие – меха. Мысли обрывочны. Главное – не сбить ритм, не задохнуться, не споткнуться на щебенке тропы с двухпудовым рюкзаком.

Шаг за шагом выше и выше. Сумерки. Они пролетают, не успев начаться. На горы по-азиатски стремительно падает ночь. Теперь только фонари наших проводников-ташкентцев указывают путь по едва видимой тропе.

После шести часов подъема мы на плато. Здесь свищет ледяной ветер. Неужели это мы умирали сегодня внизу от жары? Холод пробирает до костей.

Оставляем груз на месте будущего базового лагеря и, несмотря на свинец в ногах, спешим оставить негостеприимные вершины. Скорее вниз, в ласковую духоту ущелий.

Благодатна ты, июльская ночь долины! На спуске три часа. Теперь быстрее спать: вылезет утром из-за хребта Огненный Дракон, опалит своим дыханием склоны – не до сна будет.

* * *

По плато в районе лагеря, сколько хватает глаз, растянута веревка. Уложить их в ранцы – по 130 метров в мешок – непростая задача. Делаем это так. Берешь конец веревки, вяжешь узел (из-за отсутствия такого узла я чуть было не разбился в Сумгане) и метр за метром опускаешь веревку в мешок. Опустить десяток раз, утопчешь ногой. Укладываем аккуратно, чтобы не запуталась на отвесе, и не начались скрутки – проклятье подземных вертикалей. Кончился один кусок веревки, подвязываем к концу другой. С новой техникой нам не надо выгадывать веревки по длине – хватит ли на колодец? Не хватило до дна – нарастим следующую. Лучше всего сращивать веревки на крюке промежуточного закрепления. Но можно и прямо в отвесе. Узел на рапели никогда не доставляет особо приятных ощущений, но теперь мы можем преодолевать его без особых задержек.

И вот сидим на бугорке недалеко от нашей газовой кухни, прикидываемся к волшебным запахам съестного и, в который раз уже, прикидываем планы будущей работы.

Завтра мы идем на рекорд. Два дня назад, в первом выходе в Киевскую, нам удалось спуститься на глубину около –400 метров. Дошли до конца самого длинного меандра пещеры под названием "Дивный ход". Тем самым мы почти на 300 метров превзошли наше весеннее достижение.

Тогда в пещере Алтайская на Горном Алтае экспедиция под руководством Анатолия Капустяна и Володи Кочетова предприняла первую попытку пройти вертикальную часть пещеры в соответствии с правилами SRT. Парни отступили с глубины –100: сказались отсутствие опыта борьбы с трением и идейного лидера – за три дня до отъезда мне "повезло" угодить в больницу и лишиться аппендикса. Экспедиция не пошла дальше к легко достижимому, в общем-то, дну Алтайской, и мы посчитали это самым большим ее достижением. Отступление вопреки возможности "сделать дно" абы как, на авось – дело очень уважаемое. Так мы начинали постигать культуру работы на вертикалях.

Теперь мы спустились на –400 в Киевской, установив для себя новый SRT-рекорд. Но абсолютно высшего достижения казахстанцев превзойти пока не смогли. В феврале этого же, 1986 года, его установила усть-каменогорская экспедиция под руководством Олега Шищенко. Парни прошли Осеннюю на хребте Алек – все 460 метров ее денивеляции от входа до дна.

Дело, конечно, не в рекордах, но спортивное начало живет в нас: где-то глубоко спрятанное, но живет.

Итак, завтра мы идем на рекорд. В основу тактики этой экспедиции мы заложили непривычные с точки зрения всей нашей предыдущей спелеопрактики положения. Вот они:

- в период рабочих выходов каждый член группы должен двигаться по пещере с одним, максимум (на отдельных участках) с двумя транспортировочными ранцами (Долой "вещизм" в кейвинге!);
- количество подземных ночевок должно быть минимальным – отдыхать лучше на земле (Долой засонь из ПБЛ!);
- необходимо максимально снизить непроизводительные затраты времени под землей: перекуры, сборы, болтовню и "питье чая" в подземных лагерях и пунктах питания (Минздрав СССР предупреждает – курение опасно для вашего здоровья!);
- отказ от транспортировки мешков путем вытаскивания и спуска их в колодцы на веревке, передачи с рук на руки цепочкой, переноски челноками – переносить груз исключительно "на себе" во время естественного движения по пещере (Долой спелеогрузчиков!);
- исключить потери времени из-за поломок и неполадок в индивидуальном снаряжении участников штурма – снаряжение должно быть унифицировано и надежно (Долой троглодитов-самоделкиных!);
- индивидуальная техника каждого из членов группы должна быть достаточно высока для того, чтобы избежать неоправданных потерь времени при работе с веревкой и маневрировании на промежуточных закреплениях, а также для того, чтобы каждый мог идти по пещере автономно, без помощи товарищей – только параллельное движение всех участников обеспечивает высокую суммарную скорость всей группы (Долой очереди под колодцами!);
- график рабочих выходов в пещеру должен иметь суточный ритм, исключающий противоестественную обычному образу жизни работу по ночам. С соблюдением ритмичного режима питания и сна – прием пищи через 6 часов, сон в ПБЛ не более 8-10 часов, непосредственная работа на маршруте 12-14 часов в сутки (Долой голодных спелеолунатиков, пораженных дистрофией!).

Вот, собственно, и все.

С точки зрения всей предыдущей техники спелеотуризма оставалось только мечтательно вздохнуть. Но мы были полны решимости.

***159 В.А.Кучин, А.П.Ефремов, Р.Н.Сайфи** "Методические рекомендации по организации и проведению учебных мероприятий по спелеотуризму", ЦРИБ "Турист", Москва, 1976г.

***160 К.Б.Серафимов** "Каманатгаран", Кырк-Тау, 1986г.

Константин Борисович Серафимов
 "ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com